

ПТИЦЫ РОЖДЕНЫ

летать

Ульяна Матвеева

Ульяна Матвеева

Птицы рождены летать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43312852

ISBN 9785005013460

Аннотация

Каждый новый шаг в неизвестность несет в себе множество опасностей... или возможностей... Осторожно двигаться вперед, боясь оступиться и упасть в кипящую лаву эмоций, или спрятаться в клетке, наблюдая за жизнью сквозь золотые прутья? А может быть, отпустить на волю себя настоящего и научиться парить над землей, находя ответы на вопросы с высоты небес?

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Птицы рождены летать

Ульяна Матвеева

© Ульяна Матвеева, 2019

ISBN 978-5-0050-1346-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Каждый новый шаг в неизвестность несет в себе множество опасностей... или возможностей... Осторожно двигаться вперед, боясь оступиться и упасть в кипящую лаву эмоций, или спрятаться в клетке, наблюдая за жизнью сквозь золотые прутья? А может быть, отпустить на волю себя настоящего и научиться парить над землей, находя ответы на вопросы с высоты небес?

«Птицы рождены летать» является ключевым романом в цикле «Жемчужное ожерелье Земли». Произведения этого цикла объединены идеей исцелять сердца читателей на основании историй простых людей и тех жизненных ситуаций, которые, словно капканы, способны поглотить и даже медленно уничтожить, если вовремя не спастись. Уберечь или помощь выбраться из засасывающей трясины, наполнив верой в себя, в любовь и счастье, до которых рукой достать, если есть стремление, – вот моя главная задача, как писателя.

Глава 1

За окном промозглый февраль на моих глазах превращался в снежную сказку. Сверкающие хлопья снега плавно ложились на высохшую траву, укрывая ее белоснежным одеялом. Их неспешный танец убаюкивал, готовил природу к длительному сну, в котором я сама пребывала многие годы. Но теперь я пробудилась, теперь все будет иначе. Игра в спящую принцессу окончена, и давно пора перестать плыть по течению и встать у штурвала.

Жаль расставаться с моей небольшой квартирой, которая служила мне берлогой. Здесь я пережидала холодную пору в томительном ожидании тепла солнечных лучей, которые, наконец, осветят и согреют меня изнутри. Сколько же лет понадобилось, чтобы научиться зажигать внутри себя огонь, с которым не страшны ни холод, ни одиночество... Уже через несколько дней здесь поселятся другие люди, с другими историями, и, надеюсь, эти стены, привыкшие к тишине, услышат смех и топот детских ножек.

Большинство вещей уже спрятано в башни из коробок всевозможных размеров. Осталось собрать любимые книги, среди которых притаилось что-то еще, нечто очень ценное для меня... И вот на моих коленях уже лежит распахнутый альбом фотографий с улыбчивой девчонкой и ее смешными косичками в красивом школьном платье с белоснежным пе-

редником. Я надела его всего однажды, на последний звонок, чтобы напоследок порадовать учителей, привыкших видеть меня в модных джинсах вместо брюк. Понадобились годы, чтобы понять, почему мне так хотелось делать все по-своему, вопреки правилам. Но тогда я, как правило, повиновалась внутреннему бесенку, имя которого было Противоречие.

У любых фотокарточек, будь то старые, давно выцветшие или цифровые на мобильнике, есть одно потрясающее свойство. Они умеют переносить нас в то время и то место, вне зависимости количества прошедших лет. Эту девочку я помню хорошо, и прекрасно знаю причины ее непокорности. Наверное, перед тем смелым шагом, который я намереваюсь сделать, было бы неплохо вспомнить свой долгий путь, во многом похожий на взлетную полосу...

Мое тело было юным и крепким, движения легкими и грациозными, а осанка – как у самой королевы. Я едва выпорхнула из тяжелых дверей школы, которая столько лет сковывала меня и мою свободу. Позади я услышала их тяжелый стук, с которым захлопнулась и последняя страница Предисловия. Начиналась Жизнь.

Где-то там, за горизонтом, меня ждали мои мечты. Должно быть, им там уже тесно, ведь с каждым днем их становилось все больше. К ним меня вела длинная извилистая дорожка, вдоль которой росли цветущие кустарники и высокие клены, прикрывающие мою белую кожу своими резными ли-

ствиями от ожогов палящего солнца. Предполагалось, что где-то за поворотом меня ожидает влюбленный принц, и пусть не на коне, но такой, который пойдет со мной на край света и нырнет за мной в морскую бесконечность в поисках нового пути. Я не знала, кто он, но это было совершенно неважно, ведь тогда он был всего лишь образом, сопровождающим меня в моих тайных полетах за границу реальности. Внутри меня кипела жизнь, и жажда новых ощущений нередко приводила меня к тончайшему острию ножа, по которому я бесстрашно плясала за руку с удачей. Впервые мой мир пошатнулся, чем... нет, не напугал, я ведь была отважнее любого воина! Я лишь насторожилась и наострила уши, прислушиваясь к шагам потусторонней силы, что вошла без предупреждений, пинком уничтожая преграды, которые казались мне когда-то надежными и непоколебимыми. Впервые за многие годы, я почувствовала себя крохотным муравьем, которого так просто взять и раздавить, вместе со всеми моими тропинками и принцами.

В тот день я решила отправиться в поход в одиночку. Никто из моих друзей не смог или не захотел составить мне компанию. Родители были слишком увлечены работой, чтобы заметить мои сборы и недельную подготовку. Я подошла к этому вопросу со всей серьезностью, которая только возможна в восемнадцать лет, и все накопленные за полгода средства потратила на необходимые предметы: палатку, удобный рюкзак, который был чуть ли не с меня ростом, но-

вые кроссовки, которые почему-то оказались малыми, стоило только выехать в них за город... Осознание происходящего раздувало мою грудь колесом, но она так и норвила вогнуться обратно под тяжестью рюкзака. Добравшись до подножия гор, я позволила себе немножко всплакнуть и пожалеть себя, прежде тщательно убедившись в отсутствии свидетелей. Все мои шоколадно-конфетные запасы растворились на языке и помчались прямым ходом в душу, чтобы залатать раны. Конечно, о ранах говорить было еще рано, и слово это было чересчур громким, но, когда хочется есть, откуда-то берется этот пафос, вполне оправдывающий мои действия. По крайней мере, мне так казалось.

Когда с лишним балластом было покончено, я, встряхнув косичками (в то время я часто заплетала две уныло свисающие веревочки цвета мокрого песка по обе стороны моего мальчишеского лица в смутной надежде придать ему чуть более женственный вид), первым делом отправилась на поиски ручья. Мой слух подсказывал мне, что он где-то неподалеку. По пути я ни разу не обернулась, хотя, признаться, в какой-то момент хотелось сбросить эту громадину цвета хаки, которая, казалось, жаждала прижать меня к каменистой земле, и вернуться в свою маленькую комнату на рассыпанные по полу яркие подушки к недочитанной книге про «Остров сокровищ». Но в те времена я была до неприличия упряма во всем, и поэтому уверенно шла дальше по серпантинной дороге.

Планируя это путешествие, мне представлялись нескончаемые приключения и сюрпризы за каждым поворотом. Мне виделось, как я знакомлюсь с такими же отважными попутчиками, делюсь с ними своими геройскими планами по покорению горных вершин, как мы рассказываем друг другу о наших историях из жизни и тому подобное... И как потом, сердечно обнявшись на прощание, за одним из поворотов каждый из нас пойдет своей дорогой навстречу непокоренным вершинам и новым знакомствам. На самом же деле, я до позднего вечера брела в полном одиночестве и изо всех сил прогоняла скуку, навеянную однообразием. Горы, всюду горы, безликие, молчаливые... Единственное, что немного разбавило его – небольшое пастбище с лошадьми, которых, судя по их умиротворенному выражению, вполне устраивала эта тишина и покой. Но не меня, нет... Я сердилась на самую себя, за то, что, вероятно, выбрала не тот маршрут, и за то, что долгожданное путешествие не приносило желаемого удовольствия. Это был уже второй случай, когда я столкнулась с интересным наблюдением: ожидание часто бывает слаще самого события. Мы вкладываем в него слишком многое, наполняем самыми лакомыми продуктами воображения, щедро добавляем приправы, испытывая невероятное удовлетворение от процесса. Но, как правило, это приводит к разочарованию, поскольку наши фантазии редко имеют сходства с реальностью. В первый раз я ощутила это, когда отправлялась на самое первое свидание несколь-

кими годами ранее к одному темноглазому старшекласнику с самой модной стрижкой в школе, укравшему мое сердце на целых несколько недель. Свидание назначила ему я сама, так и не решившись уведомить его об этом. Мысленно назначила день «X» и продумала план того, как заманить его в ловушку, чтобы ему некуда было бежать до тех пор, пока не поймет, что я его суженая. Позже это вызывало улыбку, а тогда я готовилась к процессу взятия бастиона со всей серьезностью. Подготовка захватила все мое внимание, а результат оказался довольно неожиданным. Стоило предстать перед ним во всей красе с намалеванными губами и обведенными жирной черной линией глазами, как бастион, не успев рухнуть, стал мне неинтересен.

Погруженная в невеселые думы о том, что ситуация в чем-то повторяется, я решила сделать привал, чтобы отдохнуть и решить, что делать дальше. Вдали от дома я вдруг почувствовала, как скучаю по нему. Мне стало любопытно, что сейчас делает мама? Наверное, ужинает где-то в ресторане с коллегами в Амстердаме и даже не думает обо мне. Завтра она вернется из командировки, и папа расскажет ей о том, что я уехала к подруге. Должно быть, он уже прочел мою записку и сейчас отдыхает у телевизора с пультом в обнимку. Все как обычно, наш дом едва ли заметил мое отсутствие. Это одновременно и успокаивало, и вызывало тоску. Исчезни я, моя семья не скоро бы узнала об этом. Я никогда не ощущала себя в безопасности, под теплым крылышком

или за каменной стеной, называть можно по-разному. Должно быть, поэтому я росла диковатой, полагающейся во всем лишь на саму себя, и чересчур самонадеянной. Но длилось это недолго.

Когда со сбором палатки было покончено, я достала из недр рюкзака помятые бутерброды и принялась за них с нечеловеческим аппетитом. Только теперь я поняла всю степень своей усталости, одиночества и разочарования. Уставившись в одну точку, я дожевывала последний бутерброд, невольно напоминая себе тех пасущихся лошадей, мирно жующих траву. Впереди меня, как на ладони, сверкал наш ночной город. Городская суэта осталась где-то там, в десятках миль от меня, а я возвышалась над всем этим среди мрачных горных рельефов. Позади и справа от меня растянулся хвойный лес, ароматы которого в сочетании с озоном все еще иногда посещают меня в сладких сновидениях. А небо... Вы когда-нибудь ночевали в горах? Таких ярких звезд ни за что не увидишь даже на окраинах города. Здесь ночное небо напоминало бескрайний бархат, а рассыпавшиеся вокруг серебристой луны звезды – гирлянду, которую я перестала снимать с синих портьер своей комнаты с позапрошлого нового года. Вдруг в какой-то момент в моем сознании что-то резко поменялось. Потянувшись и не сдерживая широчайший зев, я огляделась и прислушалась к тишине. То была совсем не та тишина, к которой мы привыкли. В этой я впервые в жизни услышала стук своего сердца.

Не только услышала, но и почувствовала его, как и все тело, каждый палец, каждый сантиметр... Несмотря на ломоту в мышцах, оно было как никогда живым. В этой абсолютной тишине впервые робко заговорил со мной мой внутренний голос, прежде смущенно откашлявшись и попробовав свой тембр на пустой сцене моей одинокой души. Я больше не чувствовала себя никому не нужной. Он говорил о том, насколько опасной выглядела вся моя затея совершить горный поход в одиночку. Он ругал и отчитывал меня, а я краснеющей школьницей выслушивала его ворчания и молча кивала. Чтобы отвлечься, я переместила свое внимание с себя на природу, во власти которой я оказалась по собственному желанию. Спустя много лет, я поняла, что все то, что произошло со мной в том странном путешествии, было необходимым этапом моего взросления, но тогда я просто шла к ней с распростертыми объятиями, повинуюсь юношескому порыву и полностью полагаясь на интуицию, стряхивая мысли разума из головы.

Воспоминания об этом откровении, которое случилось со мной той ночью, я пронесла через всю жизнь. Все прежние переживания казались ничтожными. Погоня за имиджем перед школьными товарищами, вертелки перед зеркалами, которыми, к счастью, я была заражена в гораздо меньшей степени, нежели мои знакомые, марки одежды, телефонов – всю эту «мишуру» можно перечислять еще долго – тогда вызвала тошноту, настолько явную, что мой скромный ужин ед-

ва не вышел обратно. Я сидела, застыв в одной позе, а мимо меня галопом проносились кадры из моей жизни, превращаясь по пути из элитных скакунов в водосточных крыс. То был лишь первый шаг к духовному росту, и, признаться, я немного испугалась его. По земле, на которой я жила, росла и развивалась, побежали трещины, и я растерянно глазела по сторонам в поисках истины. Но я была настолько физически вымотанной, что глаза начали закрываться сами, и я только и успела залезть в спальный мешок, прежде чем погрузиться в крепкий сон.

Когда я проснулась, солнце уже было в зените. Вдали от будильников, родительских просьб проснуться или хотя бы выключить весь мой оркестр из любимых рок-хитов, я была предоставлена самой себе. Я могла делать все, что хочется, и никто не сможет запретить мне это. Правда, в рамках обстоятельств, весь этот волшебный список возможностей ограничивался лишь несколькими пунктами. Желания есть тоннами конфеты, занять душевую на полчаса, тренируя вокальные данные, играть часами в компьютерные игры, пока не опухнут глаза, сейчас точно так же оставались заоблачными. Кроме развития вокала. Я улыбнулась самой себе и зашагала веселее под слова из «Катюши».

Вскоре по пути возникла еще одна проблема. Лямки от рюкзака так сильно впивались мне в плечи, что появились болезненные ссадины. Я немного сдвинула их в сторону, но это помогло ненадолго. Нужно было найти что-то мягкое,

чтобы подложить между ними и воспаленной кожей. Я недовольно поморщилась: какая же я все-таки неженка! Но с каждым шагом боль становилась все сильнее и отравляла всю задумку, поэтому я начала активно размышлять о том, как исправить проблему. Очень кстати мне вспомнились советы бабушки прикладывать лист подорожника по любому поводу. Тогда я лишь улыбалась и отмахивалась, а сейчас эти советы (за неимением других) уже не казались нелепыми. Я скинула свою ношу и огляделась. И снова это ощущение единения с природой, которое волновало и придавало одновременно и силы, и смирение. Блаженно прикрыв глаза, я вдохнула поглубже этот чистейший воздух, стараясь заполнить им всю себя. Затем обернулась назад и ахнула. Пока я бодро шла вперед и вверх, позади оставались редчайшей красоты пейзажи. Почему же я не замечала их на своем пути? Я глядела лишь перед собой, на редкую траву среди разбросанных камней, на свои кроссовки, которые все также мертвой хваткой сжимали мои отекавшие стопы, лишь иногда вглядываясь вдаль, чтобы определить маршрут. Как и в самой своей жизни... Свои ранние годы я провела в марафонском забеге до заветного финиша – окончания школы. И уже готовилась к новому – с минуту отдышавшись, вскочить с низкого старта в ворота университета, за которым прыжком очутиться на работе, перескакивая через ступеньку, подняться по карьерной лестнице, по пути прихватив с собой за руку зазевавшегося принца и домчаться до края жизни. От этой мыс-

ли меня передернуло. Почему-то в школах до сих пор не преподают уроки жизни. С каким наслаждением я бы обменяла все эти бесконечные тоскливые часы математики на несколько занятий, где нам рассказали бы о том, как устроен мир, научили бы замечать простые радости жизни, находить счастье в мелочах, безошибочно определять свое среди ужасающего многообразия, с которым мы сталкиваемся каждый день, напоминая слепых котят без всех этих знаний. Бесценные минуты утекают сквозь пальцы, пока мы лишь пытаемся осознать, кто мы и что нам делать на этой земле. Несмотря на все сюрпризы, предстоящие в этом моем первом серьезном приключении, это стало, пожалуй, одним из немногих правильных решений за все годы жизни. Кто-то шепнул мне на ушко о том, что пора... Что именно, я тогда не понимала, но послушно делала то, что велит мне сердце. И, замирая от красоты величественных рельефов на фоне бирюзового неба, солнечного света, причудливо выбивающегося сквозь скалы на узкую тропинку, по которой я шла, елочных макушек где-то под ногами, я думала о том, сколько, должно быть, прекрасных моментов я так же упустила, не оглядываясь по сторонам. Мне следовало родиться мальчиком, возможно, мое упрямство и сосредоточенность на чем-то одном помогли бы мне достичь небывалых успехов. Правда, нужны ли бы они мне были, эти успехи, или я устало свалилась бы на пьедестале прямо на все свои награды?

Погруженная с головой в размышления, я не сразу заме-

тила, как тропинка сузилась до такой степени, что впервые за путешествие мне стало страшно. Я резко взглянула вниз и почувствовала сильное головокружение. Страх усилил камень, который я задела носком, полетевший вниз и упавший в бурлящую реку метрах в десяти от меня. На несколько секунд я остановилась и замешкалась, не зная, что делать дальше. Что впереди, что позади меня таилась опасность. Если я захочу вернуться, я вновь должна буду аккуратно пройти около двадцати шагов, рискуя зацепиться одеждой или рюкзаком за сухие торчащие из скал ветки. А впереди – неизвестность. Единственное, что я видела, это то, что тропинка там чуть шире, что и определило мое решение двигаться вперед. На полусогнутых ногах я нерешительно делала шаг за шагом, с нарастающим страхом замечая, как эта дорожка становится все более наклонной. Мгновение – и я уже отчаянно хватаюсь за тонкие ветки какого-то засохшего куста, а ноги болтаются над пропастью. Один за другим, камни летели вниз, а я держалась, как дикая кошка, когтями, локтями, содранными до крови, а потом и грудью... Чертов рюкзак мешал мне подняться, и я сильно пожалела, что на нем не было какой-нибудь кнопки, при нажатии на которую он бы расстегнулся и улетел. Одной ногой я нащупала что-то твердое и изо всех сил оттолкнулась, выбравшись наверх. Должно быть, за эти секунды я внезапно повзрослела. Мое детство улетело вниз, и теперь я стояла, дрожа, как хрустальные капли на сосульках. Мне внезапно разонравились

игры с огнем, опротивела собственная беспечность и жажда приключений несколько поугасла. Именно тогда я осознала, что есть нечто, что сильнее меня, то, что я не могу контролировать. Однако я ведь смогла воспротивиться обстоятельствам и вцепилась мертвой хваткой за жизнь, но, быть может, высшие силы просто захотели меня проучить за вопиющую самоуверенность, граничащую с глупостью, и научить осторожности? Когда я отдышалась и немного успокоилась, все вопросы разлетелись в стороны, а вперед снова выступил неконтролируемый страх. Нужно было как-то выбирать-ся оттуда и, несмотря на то, что до того места, где дорога снова становилась безопасной, оставалось всего несколько шагов по склону, я решила вернуться. Осторожно, как охотящаяся на антилопу пантера, я добралась до знакомого поворота, села на корточки и расплакалась. Вместе со слезами выходил леденящий ужас, который сковывал меня от головы до пят. То, что начиналось, как веселое приключение на летних каникулах, превратилось в очень отрезвляющий урок. Жалею ли я о том, что это произошло? Нет. Это встряхнуло меня и изменило курс направления моей покачивающейся на волнах жизни лодки. Очень хрупкой лодки, как выяснилось.

Глава 2

Я родилась в день, когда на наш небольшой городок обрушился мощный сель. Мой отец был в отъезде, когда у мамы раньше положенного срока начались схватки, и мое появление на свет было совсем некстати, хотя, должно быть, они долгие месяцы ждали меня с нетерпением, как и все будущие родители. С самого рождения за мной по пятам гнался страх быть ненужной, помешать кому-то своим появлением. Бывало, доходило даже до того, что я не решалась подойти к компании школьных товарищей, боясь нарушить ход их беседы и привлечь внимание к себе. Кто бы мог подумать, что за горделивой девчонкой с чрезмерно уверенной стремительной походкой и ярко-розовой жвачкой в зубах на самом деле прячется застенчивый романтик, обожающий любоваться созвездиями и слушать пение птиц где-то в ажурных узорах изумрудной листвы? Долгие годы я искала себя, бросаюсь в крайности, примеряя разные образы и разные стили. Понимая, что все не то, зачастую я впадала в отчаяние, чувствуя себя никчемной пустышкой, которой нет места в этом мире, серой посредственностью, не способной дать миру что-то большее, чем углекислый газ. Меня вовсе не удивляло, что у меня, единственной среди знакомых сверстниц, на протяжении школьных лет не было парня, ведь меня не за что было любить и совершенно нечем восхи-

щаться. Моя внешность была самой заурядной, и единственное, за что я получала комплименты относительно внешнего вида, это большие голубые глаза, которые, на мой взгляд, походили больше на рыбы. С годами я становилась все более независимой и все более одинокой. Мои родители так увлеклись своей карьерой и зарабатыванием денег, что, когда уже наступил тот самый долгожданный момент наступления финансовой независимости, они, даже не заметив его, перешагнули через финишные ворота и продолжили гоняться за призрачным счастьем в бумажном обликии. Все чаще я старалась отлучаться из дома, бесцельно слоняясь по улицам, в постоянном напряженном поиске чего-то неуловимого. Оно манило меня, иногда приходило в снах и растворялось, стоило только начать думать об этом. Иногда я уезжала из города автостопом в соседние города и бродила среди бетонных капканов, в которых добровольно заточали себя жители, не стремясь хотя бы изредка выбираться на свободу, чтобы размять затекшие мышцы и разбудить засыпающую душу. Мне нравилось находить исключения во всем, и, когда это происходило, перед моим взором снова, вспорхнув бесшумными крыльями, взлетало и исчезало за облаками то самое Нечто, за которым я гонялась. В пик душевного разлада, одним июньским вечером, мне пришла в голову идея задать свои вопросы ветру где-нибудь на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. И теперь, вернувшись домой, в свою маленькую скучную комнату, я поняла, что, несмотря на всю

странность этой затеи и риск расстаться с жизнью, это было именно то, что было так необходимо для меня.

Мысли, которые сопровождали меня с моего похода до самого дома и продолжали выстраиваться в какие-то сложнейшие комбинации, были прерваны шумом, доносящимся из коридора. Раньше я бы осталась сидеть неподвижно и демонстративно глядеть в ту же точку, всем видом показывая, насколько незначительно для меня все это. Но сейчас, догадываясь, что из командировки вернулась мама, я вскочила на ноги и побежала ее встречать.

– Эля, что с тобой? – зачем-то скрывая улыбку, мягко спросила мама, когда я обвила ее шею крепким кольцом горячих рук. – Неужто успела соскучиться?

Я кивнула и начала расспрашивать ее о том, как прошла поездка.

– Постой, дай хоть разуться, – все еще сохраняя строгость, она сняла лаковые туфли и рассеянно пошла в ванную. Я заметила, что она была смущена и не знала, как правильно себя вести, чтобы я снова не замкнулась в себе и не ушла в свою комнату. Но вопреки своим опасениям, выйдя из ванной, она обнаружила меня на кухне, набирающей воду в круглый желтый чайник. Он всегда казался мне уродливым и совершенно не вписывающимся в серо-зеленую гамму кухонного интерьера. Но сейчас все было по-другому. Я впервые заметила на нем нежный акварельный рисунок сбоку, который, должно быть, нарисовала бабушка, подарившая нам его

на какой-то праздник из своей коллекции. Интересно, сколько еще открытий меня ждет?

– Рада видеть тебя, дочка, – задумчиво наблюдая за моими простыми действиями, протянула мама. – Эта поездка была еще более скучной, чем предыдущая. Я уже не удивлялась красоте Амстердама, не было ни времени, ни желания. Мы с Наташей снова прошлись по Дамраку, набрали сувенирных безделушек, посидели в одной кофейне, обсуждая рабочие дела, вот и все развлечения. Остальное время занимала работа. А ты, надеюсь, весело провела это время? Отец говорил, ты гостила у Вики...

Должно быть, я еще хуже скрыла свои эмоции, судя по недоверчивому выражению лица мамы, когда я произнесла:

– Да все, как обычно. Даже рассказывать неинтересно.

В воздухе повисло какое-то неприятное облако лжи. У меня заныло где-то под ребрами, но исправлять уже было поздно. Сказать правду, значило самовольно надеть на себя наручники и отныне жить под пристальным наблюдением родителей. Этого я допустить не могла. Я поспешила сменить тему. Но разговор не клеился, и очарование этого дня начало тускнеть. В конце концов, я поцеловала маму в щеку и, сославшись на дела, вышла из дома.

По дороге я встретила папу. Он прошел мимо меня и даже не заметил. Мне бросилось в глаза то, как резко он постарел, и как его гордая осанка осталась лишь воспоминанием.

Он шел так, будто на его ссутулившихся плечах лежал груз прожитых лет и разочарований. «Я не хочу так», – звучало в моей голове, когда я провожала его глазами. И, расправив плечи, я свернула за угол и пошла, куда глаза глядят.

На город медленно опускались сумерки. Разноцветные витрины загорелись огнями, толпа прохожих становилась все более плотной. Все спешили поскорее домой и шли, глядя строго перед собой. Я почувствовала себя неуютно среди них и свернула в сторону набережной, чтобы, не торопясь, полюбоваться засыпающим солнцем на перине из жемчужных облаков. До перекрестка было далеко, а мне не терпелось поскорее оказаться на любимом обзорном пункте. Метнув нетерпеливый взгляд на улицу, я решила сократить время и перейти дорогу вдаль от светофоров. Вдруг я услышала резко приближающийся рев машины и почему-то растерянно остановилась прямо посреди проезжей части. Я до сих пор спрашиваю себя, что явилось истинной причиной этого происшествия: моя неосторожность в вопиющей степени или высшая сила, которая таким образом решила столкнуть лбами в практически буквальном смысле слова двух разных людей? Как под гипнозом, я стояла и смотрела, словно в замедленной съемке, приближение темного силуэта автомобиля, ослепляющего меня ярким светом желтых фар.

Какой странный день! Уже во второй раз я станцевала лезгинку на острие ножа. Как я осталась жива? Но на сей раз последствия не ограничивались всего лишь страхом и ужа-

сом, к ним также добавилась резкая боль в колене и локтевом суставе. Пока я пыталась соскрести с горячего асфальта свое измученное тело и остатки гордости, я услышала, как из «Ауди» с крепкой бранью выскочил парень и в два прыжка оказался рядом со мной, предлагая помочь встать. Меня охватил стыд, но несмотря на желание отвести взгляд и при возможности поскорее провалиться где-нибудь поблизости куда-нибудь поглубже, я посмотрела на него и невольно залюбовалась. Когда он повторил вопрос, я почему-то отказалась и рывком поднялась на ноги, считая звездочки, что кружились перед глазами. Вокруг нас столпились другие автомобили, несколько зевак на обочинах глазели на меня, то ли с жалостью, то ли с возмущением. Владелец сбившего меня автомобиля продолжал нервно расспрашивать меня о самочувствии:

– Голова не кружится? Где болит? Черт бы Вас побрал, ведь я мог сбить Вас насмерть! Я отвезу Вас в ближайший травмпункт, обопритесь на меня.

Я пыталась отнекиваться и гордо идти сама, хотя мое колено, казалось, ругало меня сильнее, чем этот Шумахер. Мы подошли к задней двери его «Ауди», и пока я продолжала сомневаться в правильности своих действий, меня погрузили в сбивший меня автомобиль, еще менее изящно, чем мешок с картошкой, хотя и проявили чудеса осторожности, почти не задев болезненные места. Застыв в одной позе, я наблюдала, как парень сел на водительское сидение и медлен-

но тронулся в путь.

– Мне кажется, у Вас перелом... Я про Ваш локоть, – добавил он, встретившись глазами с моими недоуменными в зеркале заднего вида. – Со мной было то же самое два года назад, только тогда я не отдыхал на проезжей части, а свалился с велосипеда, – не без упрека сказал он, заезжая на территорию какого-то медицинского учреждения.

– Я не специально, – только и смогла ответить я. Мне было в равной степени и больно, и стыдно. Но его присутствие успокаивало меня.

– Это радует, – подмигнул парень. – А то я уж подумал, что Вы решили свести счеты с жизнью, избрав меня палачом. Как нога? С рукой-то понятно, знаю, что очень больно.

Он открыл мне дверь и нагнулся, чтобы еще раз оценить масштаб бедствия. Колено припухло и было украшено небольшой ссадиной, но на тот момент оно волновало меня куда меньше, чем прикосновения его мужских рук. Это было так непривычно для меня, что я согласилась бы упасть где-нибудь еще, чтобы он снова, приобняв меня, помогал дойти до машины, или врача, или алтаря... Ой, то есть, до кабинета рентгена, в котором я уже очутилась, пока мои резвые мысли уже пытались нас поженить. Когда я вышла из травматического отделения городской больницы с гипсом на руке и тугой повязкой на ноге, мой «палач» покачал головой и взглядом предложил сесть на скамью.

– Что сказал врач?

– Что я допрыгалась, и теперь дни и ночи меня будет согревать и обнимать этот очаровательный гипс. Целых три недели. В разгар лета. Кошмар.

– Зато не будет смещения.

– Да, это врач тоже сказал... Еще раз извини, я, должно быть, отвлекла тебя от дел, ты так мчался...

– Звучит как упрек, – он пристально посмотрел на меня испытующим взглядом, но не найдя в нем ни грамма язвительности, продолжил, – это ты прости, пожалуйста. Из-за меня тебе больно. Я всегда так езжу, привычка... В конце концов, я ведь успел затормозить, хоть все же и задел тебя.... Давай так, с меня ужин, а с тебя рассказ о себе. Я Андрей, а как зовут тебя?

От его последних двух предложений мне стало веселее, и, не сдерживая довольной улыбки, я ответила:

– Элеонора. Но лучше просто Эля.

Глава 3

– И все-таки я не понимаю, где гулял твой инстинкт самосохранения? У тебя что-то случилось? – допытывался Андрей, когда официант скрылся с глаз.

Я поняла, что мне не отвертеться от ответа, неважно, какие уловки я пушу в ход, чтобы он забыл или хотя бы сделал вид. Я вздохнула и ответила:

– Я сама задаю себе этот вопрос с сегодняшнего утра... Вероятно, заблудился где-то между скал. Обманув родителей, я вчера отправилась в настоящий горный поход в полном одиночестве и едва ли не осталась там навечно.

Выражение лица моего собеседника сбивало с мысли. Но я постаралась невозмутимо продолжить:

– На протяжении всего одиннадцатого класса я мечтала сделать что-то подобное. За последние годы я не раз доказывала себе, что уже взрослая и смелая, но все те приключения на фоне этого были детским баловством.

– О, а прогулки по горам с маньяками под каждым кустом и впадение в ступор на проезжей части – это так по-взрослому, – засмеялся Андрей, да так заразительно, что я, вместо того, чтобы надуться, залилась веселым смехом на грани истерического.

– Ты мне сейчас напомнил предков... Они тоже уверены, что маньяки дежурят день и ночь на каждом квадратном мет-

ре.

– А в твоём понимании, все вокруг залито розовым светом и на радуге катаются единороги, да? Пусть не на каждом метре, но они есть, и нельзя забывать о том, что ты представляешь собой лакомый кусочек для любого мужчины, в особенности, помешанного на сексе.

Я опешила. Мне никогда бы и в голову не пришло то, что он сказал. А может, он и сам один из них? А вдруг его заводят девушки в гипсе, передвигающиеся, как коряги?

– И для тебя тоже? – спросила я прежде, чем подумать. Когда же начался мыслительный процесс, я вдруг забыла о своей смелости и захотела бежать. Ах, да, колено...

Он наклонил голову набок. Вид у него был одновременно восхищенный и недоуменный. Затем он, вероятно, приписав меня к легкомысленным девицам, изменился в лице и с легким разочарованием ответил:

– Да, и для меня.

Внезапно я почувствовала его холод по отношению ко мне и испытала острое желание это исправить. Но продолжать эту тему я не смогла, отчасти из-за своего смущения от касания темы интима, отчасти от того, что напротив меня сидел весьма симпатичный молодой человек, которому мне очень хотелось понравиться.

– В общем, за весь период своего небольшого путешествия я встретила лишь троих парнокопытных, которым до меня не было никакого дела, что меня уже не удивляет...

Сказать по правде, если бы не мой случайный экстрим, к которому я не стремилась, то эти два дня стали бы лучшими в моей жизни. Несмотря ни на что, ни капельки не жалею о своем решении. И снова хочу чего-нибудь эдакого...

– Куда тебе, – в его интонации вернулась теплота и согрела меня, – дай хоть организму восстановиться сначала. Лягушка-путешественница...

Нам принесли роллы и отвлекли от темы. Аппетит у меня всегда был отменный, а после всех событий превратился в волчий. Я за минуту справилась с порцией и, должно быть, с тоской посмотрела на заветный кружок, купающийся в соевом соусе, в крепкой хватке палочек Андрея, потому что он предложил мне поделиться. Романтика обстановки таяла на глазах, как и мой имидж. Мысленно махнув на все рукой, я уже не надеялась на какое-либо продолжение общения и расслабилась. При этом я поймала себя на мысли, что он стал мне как-то ближе.

– Я закажу себе еще, – сказала я и вернулась к нашему разговору: – А тебе никогда не хотелось все бросить и уехать куда-нибудь, хотя бы ненадолго?

– Были такие мысли, – прозвучал ответ.

– А сейчас? И вообще, расскажи мне о себе, а то все я да я. Андрей усмехнулся и ответил:

– Ну мое шило уже не такое длинное. Несколько лет назад я исследовал некоторые города Америки, когда еще грезил надеждой перебраться туда насовсем. Но что-то мне там

не понравилось, и я передумал. Есть еще идея когда-нибудь уехать на райские острова, но пока рано об этом говорить, сначала нужно заработать.

– И какая она?

– Кто, работа? – переспросил он меня.

– Америка... Она занимает четвертое место в списке стран, в которых я просто обязана побывать.

– В моем была на первом. Я, наверное, не смог бы сказать, что именно мне не понравилось. Она волнует, восхищает меня своей динамичностью, современностью и, одновременно с тем, простотой. Я мечтал жить в Калифорнии, бегать по утрам и вечерам вдоль пляжа под пальмами, но, когда, наконец, очутился там, понял, что не мое.

Мы много говорили о разных городах и странах и сошлись в одном мнении: для того, чтобы накопить на свой собственный дом, нужно для начала перебраться в Москву. Мы общались, как закадычные друзья, и не заметили, как подкралась ночь. Не вытаскивая мобильник из кармана, я проверила наличие пропущенных звонков – их не было. Никто не волновался за меня.

– Что-то не так? – спросил Андрей.

– Почему? – не поняла я.

– Ты вдруг помрачнела...

Я не стала юлить и ответила, как есть:

– Просто мне все чаще кажется, что никому нет до меня дела. Уже полночь, а родителям, кажется, все равно. Хоть бы

позвонили отругали что ли...

– Ты выросла. Привыкай полагаться только на себя, – грустно ответил мой спутник. – Садись, я отвезу тебя домой. У нас на общение вся жизнь впереди.

По пути мы оба молчали. Я обдумывала его слова, пытаюсь уловить в них его намерения относительно нас двоих. За этот вечер он из таинственного незнакомца превратился в друга, но недостаточно близкого для того, чтобы задать свои вопросы вслух. Он нравился мне, но романтическое облако, в котором он виделся мне в первые часы знакомства, исчезало, а он из сказочного принца все больше становился похожим на вполне реального парня. Он ни в коей степени не пугал и не отвращал меня, напротив, я все больше восхищалась им, однако очарование бесследно таяло. На прощание, к моему облегчению, он не стал лезть целоваться, а лишь записал мой номер, скрыв имя, под которым воспоминание обо мне осталось жить в его мобильном.

Я вернулась домой и закрылась в своей комнате на замок. В этом не было нужды, родители, должно быть, давно спали, но я испытывала острое желание остаться наедине с самой собой, чтобы привести мысли в порядок, в привычной обстановке. От всех этих событий у меня кружилась голова, и, не желая тратить силы на какие-либо мучительные размышления, я прижалась щекой к прохладной подушке и перенеслась в долгожданное царство цветных снов.

В моих сновидениях я порхала по тем городам и странам,

которые были упомянуты сегодня вечером. Я помню восхитительное чувство легкости, переливающееся всеми оттенками счастья, которое сопровождало меня, когда я путешествовала по тем местам, что видела когда-то в журналах. Я танцевала под дождем на Королевской площади Парижа, когда почувствовала прикосновение мужских рук к талии. Лицо было размыто, как это часто бывает в снах, но это не помешало мне со всей девичьей открытостью и бесстрашием влюбиться в того, кто так лихо закружил меня в танце, согревая ладонями мою тонкую талию.

Глава 4

Весь следующий день я находилась под властью этого сна. Даже мама заметила, что со мной что-то не так, когда присела за кухонный стол поработать, пока я с аппетитом уплетала первый кусок свежеприготовленной пиццы, которая появлялась на нашем столе один раз в пять лет и оттого казалась еще вкуснее.

– Да ты вся светишься! Тебе понравился какой-то мальчик?

Мальчик! Неужели мама и правда не замечает, что я уже выросла? Я вспыхнула и едва не подавилась, услышав ее вопрос. Призвав на помощь все свое самообладание, я ответила:

– Нет. Тебе показалось.

– Ладно, допустим. Может, все же расскажешь хотя бы, откуда на тебе гипс? Что-то мне слабо верится, что твой любимый велосипед способен принести столько проблем. Или он мне тоже показался?

Вчера ночью мне удалось избежать лишнего внимания. Но стоило мне выйти из комнаты утром, как полетели вопросы, на которые я лишь развела руками и ответила одним коротким словом: «Велик». Признаться, лгать я ненавидела, и в тех случаях, когда без этого было не обойтись, я старалась отбиваться короткими фразами и переводить тему.

– И я бы не поверила... Ладно, мам, мне пора готовиться к вступительным экзаменам.

В моем арсенале за прожитые годы накопилась уйма спасительных отмазок на все случаи жизни. Между мной и родителями давно пролегла пропасть, и я не хотела уже что-либо менять. Я иногда замечала глубокую грусть в глазах матери, особенно тогда, когда я вот так ускользала от разговоров. Раньше я часто старалась ее развеселить, пригласить в какую-нибудь игру, позвать в город на прогулку, но она, как правило, отказывалась и вспоминала, что у нее есть масса неотложных дел. Через некоторое время я переняла у нее эту привычку, и с тех пор мы стали чужими. Папу я вообще видела все реже, и те редкие встречи ограничивались до боли банальным «Привет! Как дела?». Даже в эту осточертевшую фразу я некоторое время старалась вдохнуть жизнь и разнообразие, но когда на твой пятиэтажный ответ слышишь плоское «понятно», то внутри загорается беспощадный огонь разочарования, который имеет свойство убивать любовь.

Захватив еще пару кусков пиццы, я доковыляла до комнаты и выдохнула, когда закрылась дверь. Нет, им нельзя рассказывать о том, как меня сбил Андрей, потому что у отца есть некоторые связи в милиции и, кто знает, вдруг он именно сейчас захочет вмешаться в жизнь дочери. Воспоминания о вчерашнем вечере разлили по моему телу приятное тепло. Как все-таки здорово, что я встала на его пути... Со време-

нем мы сможем стать близкими друзьями и делиться друг с другом мыслями, идеями, переживаниями. Мне вспомнились его карие глаза, отливающие при свете янтарем, под широкими выразительными темными бровями. Они выдавали его душевную доброту, незаурядный ум и что-то еще, что предстоит со временем разгадать в нем. Во многом наши характеры, как и образ мышления, были похожи, но внешне он был моей полной противоположностью. С моей бледной кожей, серо-голубым цветом глаз и холодным оттенком прямых, как палка, волос, я напоминала самой себе Снежную Королеву. А от него пахло летом, огнем, но не тем, что разрушает жизни, а тем, что согревает весь дом, весело потрескивая в камине. К тому же, он был намного выше меня, и рядом с ним я снова чувствовала себя маленькой девочкой, хотя разница в возрасте не превышала пяти лет. Мои мысли прервало прилетевшее от него сообщение: «Выходи, Леопольд!». Я подошла к окну и увидела, как он замахал руками. Я переоделась в яркий сарафан и вышла на улицу, ни разу не посмотрев по пути в зеркало. Я понимала, что гипс не придает мне шарма, и не хотела портить себе настроение.

– У меня для тебя есть сюрприз. Ты рисовать любишь?

Я удивленно вскинула бровь. А как же стандартные вопросы: «Как рука? Как нога?», «Как самочувствие?» или хотя бы «Как настроение?», которыми засыпал бы меня каждый, кого я знаю?

– Не фанат, но иногда очень хочется. А что, мы будем де-

лать граффити на стенах моего дома?

Последовал спокойный ответ:

– Нет, мы будем делать радугу на этом скучном гипсе.

– Что?!

Должно быть, Андрей заметил, как загорелись мои глаза, и удовлетворенно улыбнулся. Он протянул мне руку с одним коротким словом:

– Пойдем.

За прожитые годы я научилась сдерживать свое доверие ко всем и каждому, кто оказывается в моем поле зрения. Так я чувствовала себя комфортнее, хотя порой мое врожденное дружелюбие норовило порвать возведенные мной же цепи. С Андреем же было все иначе. С первых минут знакомства я почувствовала, что могу довериться ему во всем. И поэтому сейчас, когда он предложил мне отключить в себе взрослого зануду, я, без раздумий, согласилась.

Мы медленно добрались до ближайшей скамьи на детской площадке и под любопытные взгляды бегающих карапузов и их мам начали вспоминать самые элементарные фигуры из уроков изобразительного искусства. От смеха у меня заболели щеки, когда в окружении нескольких пар глаз, полных неподдельного восхищения, мы с Андреем поочередно окунали кисти в баночки с гуашью и переносили свои странные фантазии на блеклые бинты.

– Ну и как мне потом снимать эти шедевры? – спросила я у него, когда урок рисования был завершен.

Андрей едва сдерживался, чтобы не улыбнуться, сохраняя серьезность, что придавало ему особое очарование в эти минуты.

– Попроси травматолога разрезать их аккуратно, по одной ровной линии, а потом заberi домой и повесь на стену. Кстати, если потом снова наступит ступор на проезжей части или твоя непоседливая пятая точка нарвется на очередные приключения, можно будет снова аккуратно прикрепить все это обратно и... замотать скотчем, например, будет еще и с эффектом ламинации.

– Хватит, – взмолилась я, когда уже не было сил даже улыбнуться. – Ну, как я выгляжу?

Я неуклюже покружилась, добавляя нотку кокетства в наши детские шалости.

Он прищурился, задумчиво потер подбородок и ответил:

– Ну подачу документов в университет, честно говоря, я бы лучше отложил... И, кстати, твой заяц больше смахивает на чудище. Только клыков не хватает.

– Так задумано, – беспечно ответила я и испытала острое желание обнять его за то, что, раскрашивая на мне гипс, на самом деле, Андрей раскрасил мой день и одну из первых глав моей жизни.

Собирая на себе взгляды прохожих, я ковыляла по главной улице города, а так хотелось скакать вприпрыжку... В воздухе витали какие-то новые ароматы, трава приобрела массу разных оттенков и даже солнце на безоблачном небе

светило как-то иначе. Мое одинокое прошлое перестало существовать и сохранилось лишь в этом альбоме, что я держу на своих коленях, да в особой комнате моей памяти, куда, честно говоря, даже не хочется без надобности заходить. Как назывались наши отношения, мне было плевать, я отпустила ситуацию и лишь изредка поглядывала со стороны, как она, словно бумажный кораблик, плавно покачивалась на волнах, подгоняемая лишь ветром и течением. Я была счастлива, по-настоящему счастлива, и, казалось, ничто не могло помешать мне наслаждаться жизнью.

Некоторое время мы молчали, но это молчание ни капли нас не тяготило. Мы никуда не спешили, никого не подгоняли и просто гуляли, впитывая в себя летнее настроение. Мы собирали по пути все лавки с мороженым и пробовали все, на что падал взгляд. В одной из них был продавец с кавказским происхождением, который сверкал улыбкой за версту и осыпал девушек комплиментами. Когда мы подошли, он с мягким акцентом произнес:

– Ой какой прелестный девушка! – он покосился на мой своеобразный бодиарт и продолжил: – Глаза как звезды, губы как ягоды... Это Ваш мужчина, да? Ой, повезло, повезло...

И пересчитав монеты, проводил нас странным взглядом, которым еще полминуты сверлил мне спину. Между нами повисло какое-то легкое напряжение. Мы оба забавлялись ситуацией, но что-то было не так. Пытаясь понять, что имен-

но, я так погрязла в догадках, что вонзила зубы в холодный пломбир и вскрикнула от их мгновенной реакции.

– Еще бы! – насмешливо сказал Андрей. – Неужто влюбилась?

– Конечно, нет, – поспешно отозвалась я. – Или ты про продавца?

Он внезапно сменил темп на медленный и двигался так, словно каждое движение причиняло ему боль. Тогда я не заметила, но, вспоминая те дни и прокручивая в памяти наши встречи, картина происходящего была куда полнее, чем в те минуты. Но тогда я ничего не поняла и уж, тем более, не увидела, как внутри него что-то оборвалось.

Наконец он ответил:

– А что, ему подфортило больше?

– Кто знает, кто знает... – ответила я, зачем-то пытаясь его задеть, но тут же пожалела. На его лицо пала тень угрюмости. Но он старался сохранять все тот же шутливый тон:

– Ну тогда не буду вам мешать.

Я стояла в полном недоумении и старалась уловить хоть какую-то подсказку непростой задачи, что загадал он мне, сам того не подозревая. Неужели он обиделся или все еще играет по тем же правилам, что и в начале? Я решила опередить его возможный уход, взяла его за руку и, ласково глядя ему в глаза, промурлыкала:

– То есть ты вот так просто оставишь меня на растерзание незнакомцам?

– Ничего, познакомитесь поближе, – буркнул он.

– Ну уж нет, ты от меня так просто не отделаешься, – я переместила руки на его локоть и усилила хватку.

– Это я уже понял, – вздохнул Андрей и молчаливо повел меня в сторону моего дома.

Глава 5

Прошло несколько недель лета. Я купалась в золотых лучах жаркого солнца и новом, впервые изведанном чувстве настоящей дружбы. Каждый день я открывала новые грани этого чувства и личности моего дорогого друга. Общаясь с ним, я узнавала саму себя, что здорово помогло мне разобраться в себе, кто я и что из себя представляю. Меня накрыло теплой волной спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, а также в послезавтрашнем, да и во всей жизни в целом. Я полностью восстановилась после аварии и, после снятия всех повязок, бегом помчалась к еще одному своему другу, моему железному двухколесному коню, по которому уже успела истосковаться.

Мой велосипед, подаренный родителями на пятнадцатилетие, был для меня дороже всех сокровищ мира. Он делил со мной мои переживания, коих в этом возрасте больше, чем звезд на небе, увозя на своих двух колесах туда, где заканчиваются мои юношеские терзания и начинается свобода. В такие моменты свежий ветер проникал в голову и сквозняком выдувал из нее все лишнее, хотя вполне возможно, что по пути захватывал и немного ума в том числе. Я никогда не отличалась особенным умом и не обладала завышенной самооценкой, здраво оценивая свой потенциал. Но это не мешало мне едва ли не каждый день пополнять список своих

желаний и искать пути их реализации. Конечно же, многое упиралось в деньги. Моя семья никогда не бедствовала и была довольно обеспеченной, но это еще ничего не значило. Детство осталось позади меня, и отныне я должна научиться самостоятельно добывать финансы из городских приисков.

Андрей прав, нужно отправляться в Москву. Она представлялась мне одной большой грудой золотых слитков, которые только и ждали, чтобы их забрали и обменяли на осуществление своих заветных желаний. Конечно, я понимала, что для этого нужно будет поработать, но почему-то я была уверена, что с легкостью справлюсь с любой задачей, пока внутри горит огонь. А горел он у меня так ярко, что сидеть на месте я уже просто не могла.

По пути к любимому предгорью, которое утопало в зелени и до которого оставалось еще километров десять, зазвонил мобильник. От неожиданности я свернула руль в сторону и врезалась в фонарный столб, но дело обошлось лишь легким ушибом. Рассеянно потирая лоб, я вытащила из широких спортивных брюк уже смущенно умолкший телефон и поняла, кто звонил.

После пары длинных гудков я услышала в трубке ворчливый голос Андрея:

– Я, может, тоже хотел покататься с тобой сегодня? Нам надо кое-что обсудить.

Он что, следил за мной?

– Как ты узнал?!

– Как, как, в окно посмотрел, пока допивал кофе. Только подумал, что неплохо было бы нам сегодня, наконец, устроить совместную велопрогулку, как мимо моего дома пронеслась чья-то знакомая фигурка в знакомой футболке. И не стыдно тебе?

По правде сказать, стыдно не было, но я ответила:

– Настолько стыдно, что подумываю догнать ту пожарную машину и попросить потушить мои пылающие от стыда щеки.

В трубке, после нескольких секунд молчания, послышалось:

– Пришли фото местности, где ты сейчас. Я подъеду и пытать у тебя будут не только щеки, но и филейная часть, за то, что вздумала шутить со мной.

Я вошла в кураж и с удовольствием продолжала играть по этим правилам:

– Да я и так тебе опишу. Справа от меня дерево. За ним еще одно, с чуть более зеленой листвой. Позади еще несколько деревьев. Они уже не такие зеленые, наверное, потому, что на них падает тень. За ними что-то еще, сейчас посмотрю... Ах, да, там еще деревья. Много. Слева, через дорогу много кустарников, но, прости, туда не полезу. Мало ли, вдруг там сидит парочка маньяков. Вдалеке вижу горы. А над ними – синее небо со смешными облаками, как будто кто-то рассыпал по небу жемчуг.

– Информативно, что сказать, – хмыкнул Андрей. – Лад-

но, стой, где стоишь, я сейчас тебя догоню.

– А просто стоять или трястись от страха?

– Трясись, только не сильно, а то вдруг камнепад начнется.

Я спрятала телефон обратно и стояла, глупо улыбаясь. Стоять и ждать? Как бы не так. Вобразившись на сидение, я лениво крутила педали и напевала детскую песенку. Наконец, меня догнал взмыленный Андрей, с которого ручьем стекал пот.

– Так, поворачивайся!

– Зачем? – захлопала я ресницами.

– Начнем исправительные работы. Будем исправлять твоё непослушание. Попросил ведь.

Я беспечно отвечала:

– Не просил, а приказывал. И я тебе не подчиненная, а всего лишь друг.

Он недовольно зарычал:

– То, что ты всего лишь друг, я уже догадался. Пойдем присядем на траву, у меня ноги гудят.

Мы уселись на траву, сняли кроссовки и вдоволь насладились этим мгновением. Казалось, с нас шел пар, а прохлада сочной травы впитывала в себе нашу усталость и дарила умиротворение. Я поборолась в себе желание умолчать о том, что под шорты Андрея заползал большой красный муравей и понаблюдать, что будет дальше, и указала ему на него. Он смахнул незваного гостя и завел тот самый серьезный разговор, с которым приехал.

– На следующей неделе я уезжаю в Москву. Возможно даже насовсем, – и, внимательно посмотрев на мое вытянутое от удивления лицо, объяснил: – Мне предложили работу. Та же фирма, что и здесь, только в головной офис. Пока на ту же должность, но с повышением через полгода. Зарплата, разумеется, куда выше прежней.

Я не стала ждать, пока ко мне в душу заползут червяки страхов разлуки и перемен, и сразу же ответила:

– Я с тобой. Там и поступлю.

Он с недоверием посмотрел на меня, что-то обдумывая.

– А твои родители? Ты говорила с ними о возможном переезде?

– Я давно уже являюсь всего лишь их сожителем. Думаю, они даже обрадуются, что я освобожу комнату, – в сердцах сказала я и тут же пожалела. Как бы то ни было, они по-своему любят меня, хоть и никак не проявляют. Но мысли об этом мешали сосредоточиться на поездке, и потому я отбросила в сторону все сомнения и приняла для себя окончательное решение. Переменам – быть!

Но Андрей сказал то же, что и моя совесть:

– Зря ты так говоришь, сама же потом жалеть будешь. Они всегда тебя будут любить.

– Все, не хочу больше говорить о них. Поехали упаковывать вещи, – я поднялась на ноги, стряхнула с себя прилипшие травинки и, не оглядываясь, ринулась к велосипеду. На самом же деле я убегала от непрошенных слез, которые

медленно стекали по щеке.

Глава 6

Я заменила шторы грязно-желтого цвета на бархатные сапфировые портьеры, похожие на те, что когда-то висели в моей комнате. Осталось лишь найти ту же гирлянду с маленькими серебристыми огоньками, как своего рода напоминание о ночи, проведенной в горах Заилийского Алатау, и станет гораздо уютнее. На секунду мне показалось, что я снова в родительском доме, и что мама сидит за стенкой в своем большом кожаном кресле с ноутбуком в руках и анализирует какие-то цифры, а папа безотрывно смотрит новости, покачивая головой. Но за стеклом жила, дыша своей широкой, добродушной грудью, величественная Москва. Она с распростертыми объятиями встречала каждого гостя, а после этого втайне следила за ним, и, стоило ей заметить в нем лень и пассивность, как она мягко выпроваживала его из своей суетливой, насыщенной жизни. Больше всего она любила знакомиться с теми, кто обладал большими планами и имел впечатляющий список целей. Немного закалив его тщательно продуманными обстоятельствами, она одаривала таких людей удачей и подсказывала путь, который вел туда, где исполняются мечты.

Такой мне виделась Москва, в которой я провела два года. Вероятно, я относилась к числу тех, кто приглянулся ей и теперь проходил стадию закалки. В университет я посту-

пила не сразу. Я была поражена уровнем требований, которые предъявляют даже самые простые, казалось бы, образовательные учреждения. Первый год прошел, как в тумане, который запомнился, в основном, бесконечными звонками на работе в должности диспетчера и изучением теории управления предприятием. На романтические прогулки по улицам и каналам столицы оставалась лишь вторая половина воскресенья, а первая уходила на сон. Все остальные дни я работала, не поднимая головы, создавая собственными руками тот самый якорь, который поможет моей покачивающейся лодке остаться здесь настолько, насколько я захочу.

Следующим летом я, наконец, вступила в ряды студентов, и началась новая эра. Я познакомилась со многими ребятами, уже не задумываясь над тем, что кому-то могу помешать своим появлением. С каждым днем во мне росла уверенность в себе, но вместе с тем, я все чаще замечала за собой новые привычки, новые слова-жаргоны, которые, кстати, так не нравились Андрею. Встречи с ним стали более редкими, и в вихре событий потерялась какая-то очень важная нить, что связывала нас. Возможно, он и пытался отыскать ее, но у меня на это совершенно не было времени. Я мчалась по жизни с горящими от нетерпения глазами и попросту не успевала ничего понять. Наверное, именно это и вкладывается в понятие «бурная молодость». Этот ритм жизни выбросил меня из теплого места у штурвала в зрительское кресло, в котором я, сама того не замечая, сидела, потеряв

счет дней, держа в одной руке учебники, а в другой банку пива, с которым я научилась снимать с себя напряжение. Несколько минут постояв у окна, находясь во власти воспоминаний, я решительно завесила окно и брызнула на запястья несколько капель любимого аромата от Kenzo. Он неизменно сопровождал меня всюду: на занятиях, на всевозможных подработках, на прогулках по новым уголкам Москвы и ее области, на встречах с друзьями и всевозможных вечеринках, до которых я, как говорится, добралась. Я напоминала разыгравшегося ребенка, который никак не может успокоиться. Внизу просигналил автомобиль одного из моих новых друзей, и я поспешила закончить с прихорашиваниями и погрузиться в манящую атмосферу огней большого города...

– Вставай же уже, Эля! – услышала я сквозь сон голос Жени, моей соседки по квартире, подруги, однокурсницы и просто хорошего человека, умеющего слушать и давать советы.

– Зачем? – мое недовольное бурчание в подушку едва ли можно было различить. Действительно, зачем? Ведь сегодня выходной, а значит, можно приблизиться к нормам сна.

– Ты так всю молодость проспичь, – услышала я в ответ. Почему-то эти слова повлияли на меня и заставили подняться на локте и щелкой приоткрывшегося глаза заметить Женькино хихикание.

– Что? Что не так?

– Да тебе надо срочно лететь в Голливуд на съемки како-

го-нибудь фильма про зомби. Ты опять что ли полночи провела в клубе?

Я так старательно пыталась собрать воедино вчерашние события, что тело снова взмолилось о покое. Я упала на подушку и продолжила неспешно вспоминать, как добралась до дома в, мягко говоря, нетрезвом состоянии. Кажется, меня отвез Андрей? Я проверила список вызовов и подтвердила догадку. И как он все это терпит?

– Ах, да, тут еще в коридоре стоит какой-то «Тан», с виду похожий на кефир, и аспирин. Да ты хорошо подготовилась, я смотрю, – сказала Женя и принесла мне найденные сокровища нашей берлоги.

– Просто у моего друга золотое сердце, – ответила я и почувствовала, как что-то внутри начало меня грызть.

Капли холодного душа немного помогли мне смыть с себя всю грязь последних месяцев разгульной жизни, которая, казалось, отражалась даже во внешних изменениях моего тела. Отечность, которая раньше, бывало, проявлялась по утрам, стала обычным делом, а цвет лица приобрел землистый оттенок, который я старательно маскировала с помощью декоративной косметики. Но это не имело для меня особого значения. Я вообще уже не понимала, что важно, а что нет. Отказываясь разбираться во всем этом, я просто набрала номер Андрея.

– Прости меня, – сказала я сразу же, как он поднял трубку.

– Угу, – только и ответил он.

– Давай сегодня встретимся.

Впервые за все время меня охватил страх того, что он откажет мне. Мне совершенно не хотелось разбираться во всех тонкостях наших отношений и анализировать причины взаимного охлаждения друг к другу. Как-нибудь потом, а сейчас нужно хотя бы извиниться.

– У меня сегодня важная встреча после работы. Если только в промежутке, минут на двадцать, – его голос по-прежнему звучал сухо и отстраненно.

Я согласилась и положила трубку.

Поднимаясь в лифте бизнес-центра, в котором работал Андрей, я еще раз разгладила на себе лучший наряд из всех, что удалось найти в шкафу, встряхнула волосы и набрала в легкие побольше воздуха.

Мы встретились с ним в длинном коридоре.

– Тебе не кажется, что уже пора остановиться? – наконец, спросил он после некоторого молчания.

– О чем ты? – я знала ответ, но все равно спросила.

– О твоём новом образе жизни.

Что ему не нравится? Я уже взрослая и сама могу решать, что мне делать. Но старательно вызываемая в качестве советника строптивость не спешила появляться. Мне было стыдно.

– Не знаю. Но я теперь редко остаюсь одна. У меня появилось так много замечательных друзей и знакомых, которые умеют получать от жизни удовольствие. Я хочу научить-

ся этому у них.

– Глупенькая... Ты повелась на их рассказы о себе? Они попросту научились пускать пыль в глаза и доказывать таким наивным малышам, как ты, свою крутизну. А возьми по отдельности каждого из них и попробуй разобраться, что он из себя представляет. Ты наверняка удивишься своим находкам! Вспомни наше лето перед отъездом... И ты еще говоришь мне, что удовольствие от жизни умеют получать они, а не ты?

– А зачем им нужно обманывать? Ты просто их не знаешь, а меня слушать не хочешь, – ответила я.

– Я тебе больше скажу, они и сами себя не знают. Когда уж тут узнаешь, когда столько соблазнов и развлечений по сторонам! Я не говорю за всех, я в целом. По правде сказать, мне плевать на них, я волнуюсь за тебя. Зря ты себя недооцениваешь и бегаешь за ними, радуясь тому, что они приняли тебя в свою стаю.

Я недоверчиво покосилась на него. Как он может это знать, если даже не общался ни с кем из них? Да, у них, возможно, и есть вредные привычки, но это еще не говорит о том, что они плохие. Но спорить, по-моему, бесполезно.

– Я подумаю над твоими словами. А сейчас я хотела бы попросить у тебя прощения за то, что отрываю тебя от дел, чтобы помочь мне.

Андрей в изумлении посмотрел на меня и переспросил:

– Ничего не понял. Когда ты просила помочь тебе?

Не припомню, чтобы ты когда-либо снисходила до этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.